

К юбилейному году Л. Витгенштейна: опыт французской национальной рецепции

А. А. Костикова

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова,
Российская Федерация, 119991, Москва, Ленинские горы, 1

Для цитирования: Костикова А. А. К юбилейному году Л. Витгенштейна: опыт французской национальной рецепции // Философия истории философии. 2021. Т. 2. С. 217–226. <https://doi.org/10.21638/spbu34.2021.114>

Статья посвящена истории рецепции философских идей Л. Витгенштейна во франкоязычной философской традиции. Рассматриваются наиболее важные идеи Л. Витгенштейна, с точки зрения франкоязычных философов и историков философии. Сравняются реконструкции разных направлений. По ряду вопросов европейская, в частности франкоязычная, история философии предлагает интересную интерпретацию отдельных аспектов философии Л. Витгенштейна, реактуализирует их. Так, например, витгенштейновский «лингвистический поворот» в философии прочитывается как поворот к традиционному для франкоязычной философии дискурсу, апелляции к развернутому вербализованному рассуждению, культурно и исторически определенной коммуникативной практике. И европейские философы второй половины XX в., в первую очередь, разумеется, М. Фуко, оказываются продолжателями витгенштейновской философии языка. На наш взгляд, именно в отношении к философскому наследию проявляется специфика национальной философской мысли, особенности рецепции и интерпретации. Французская философия, открывающаяся «Рассуждением о методе» Р. Декарта, формирует особое отношение к языку философии, процессу рассуждения вообще и философствования в частности, его аргументационным основаниям и процедурам. В целом для представленной историко-философской картины характерен интерес к специфическим для национальной философии темам: политическая ангажированность, претензия на универсальность, внимание к процессу убеждения и разворачивания мысли. В то же время мы отчетливо видим тенденцию всей аналитической традиции, у истоков которой стоял Л. Витгенштейн, — обратиться сегодня к этим темам, не считавшимися основными долгое время.

Ключевые слова: французская философия, Л. Витгенштейн, современная философия, М. Фуко, философия языка, философия дискурса.

Юбилейные даты Л. Витгенштейна — всегда повод не только вернуться к его идеям, их влиянию на современную философию, но и обсудить общее и различное в континентальной и англосаксонской традициях, попытаться расширить диапазон философского влияния этого выдающегося мыслителя. Разумеется, речь идет не только о знакомстве,

прямом влиянии или цитировании. Хотя и это немаловажный элемент понимания ситуации, интересна та работа, которая проделана во Франции, в широком контексте решения собственных философских задач — прежде всего в сфере философии языка, философии мифа и культуры, социально-политической философии и философии коммуникации.

Витгенштейн стал известен во Франции не сразу; считается, что П. Адо ввел его идеи в научный оборот в 1959 г. [1–3]. Это не означает, что имя Л. Витгенштейна не упоминалось ранее французскими философами, но это упоминание, как, например, на философском конгрессе в Праге (1934) Ж. Каваем, было всегда связано с какими-то другими идеями — прежде всего с идеями Венского кружка [4] — и проходило, как правило, незамеченным.

Интерес французских философов к Л. Витгенштейну нарастал по мере знакомства с его концепцией языковых игр и, можно считать, приобрел исследовательскую устойчивость уже в нынешнем веке — переводы на французский язык текстов Л. Витгенштейна стали появляться с середины 1960-х годов (по 2–3 перевода в десятилетие). Предисловия к этим переводам написаны выдающимися французскими философами, по сути создающими «своего» Витгенштейна — например, предисловие к переводу заметок Л. Витгенштейна к Фрезеру пишет Ж. Бувресс под названием «Церемониальное животное: Витгенштейн и антропология». К началу XXI в. уже все тексты, правда, так и не изданные в одном собрании, были на французском языке, стали издаваться новые версии переводов (например, первый перевод «Логико-философского трактата» П. Клоссовски (1961) в 1993 г. дополняется переводом Ж. Ж. Гранже, на который в основном принято ссылаться сегодня), переводиться письма, заметки, а также иноязычные исследования, и, наконец, начали издаваться собственные исследования французских историков философии и философов, приуроченные к юбилейным датам Л. Витгенштейна [5], или в рамках сравнительной философии, или отдельным изданием выходят, например, все статьи П. Адо о Л. Витгенштейне [6].

Одна из наиболее иллюстративных и дидактически полных современных академических реконструкций представлений франкоязычной философии о философии Л. Витгенштейна, подхватившая большое исследование К. Шовире 1989 г. [7] (уже в серии издательства Врен — «Философия Витгенштейна» [8]), принадлежит профессору Тунисского университета Мелике Уэльбани, которая долгие годы организовывала франкоязычные исследования его философии [9]. Нам кажется эмблематичным, что титульным обозначением оказывается «неклассифицируемость» его философии и «принципиальная целостность» его философской позиции, несмотря на то, что «основные тексты почти все были

изданы посмертно и часто в виде рабочих заметок» [7, с. 204]. Такой подход, как мы знаем, разделяется отнюдь не всеми витгенштейноведами, однако для французской философии этому есть особое объяснение: он позволяет выделить темы, характерные и принципиально важные, эмблематичные, для французской традиции — публичное и социально-политическое измерение языка, понимание человека и человеческого мышления, роль правил и законов в самом широком смысле слова.

Для французской рецепции также важен содержательно-эгалитаристский принцип философии Л. Витгенштейна — «отказ от всякой языковой иерархии». Историко-философская интерпретация выстраивает целостную картину этой позиции прежде всего в отношении главной темы — темы языка: «точно так же, как в *Трактате*, он критикует любую попытку обоснования математики, в более поздних трудах он показывает, что хорошее функционирование всего языка основывается на правильном применении правил, которые его устанавливают. Он таким образом демистифицирует язык...» [8, с. 193]. М. Уэльбани апеллирует к текстам Л. Витгенштейна, к жизненным обстоятельствам, в которых возникал тот или иной интерес мыслителя. Это позволяет академично обосновать предложенное бщее видение этого мыслителя. Картезианские требования очевидности и самопонятности как требования метода построения истинных рассуждений, процессуальность этих построений — то, с чего начинается франкоязычная философия исторически, — обнаруживаются и распознаются у Л. Витгенштейна большинством современных французских исследователей как универсальный подход к языку. И, как мы убедимся далее, многие французские исследователи творчества Л. Витгенштейна достаточно свободно будут оперировать его идеями разных периодов и разных контекстов, задавая актуализированные современной наукой и политикой вопросы.

В связи с этим французские исследователи, разумеется, опираются на сложившуюся в аналитической философии интерпретацию роли и места Л. Витгенштейна как одного из основоположников аналитической традиции в целом, которую они не без оснований ассоциируют прежде всего с двумя текстами П. М. С. Хакера [10]. Особую роль Л. Витгенштейна в этой схеме можно представить как возвращение в концепции языка Фреге и Рассела «философской логики», возвращение в сферу исследований семантических отношений операции понимания и пр. [11, с. 143–145]. Такие французские исследователи языка, как Ж.-М. Рой, стараются расширить такое понимание значения Л. Витгенштейна в «аналитическом повороте», не распространяя его, вопреки мнению М. Дамметта, на «семантический поворот», который был осуществлен только Р. Карнапом под влиянием А. Тарского [12, с. 150]. Но в целом мы

видим попытку эту позицию оспорить или прокомментировать в совершенно ином теоретическом контексте. В интерпретации особенностей философской позиции Витгенштейна по вопросам языковых игр на первый план выходит то, что не всегда упоминается в аналитических интерпретациях и уж точно не упоминается в первую очередь — проблема субъективности, в рамках которой, по мысли авторов, Витгенштейн обнаруживает и собственные проблемы философии.

В коллективной монографии «Философия языка» [13, с. 256–267] самый большой раздел, посвященный Витгенштейну, рассматривает идеи философа прежде всего в параллели с психоанализом: «там, где Фрейд вынужден давать псевдонаучное основание своим тезисам, Витгенштейн, наоборот, отталкивается от гипотезы о том, что проблема как раз и заключается в самом научном способе мыслить. Движение между двумя философиями Витгенштейна строится на том, что способность обыденного языка ввести в заблуждение философа, считающего, что он выстраивает технически формализованный язык, — демонстрирует характерную для современной эпохи зараженность обыденного языка научным духом» [13, с. 258]. Ж. Бувресс так видит важность философии Л. Витгенштейна и суть споров вокруг ее интерпретации: «И не удивительно, что все принципиальные возражения против философского метода Витгенштейна строятся так или иначе в конечном счете вокруг вопроса, существует или нет четкая граница между вопросами научными и вопросами философскими...» [14, с. 99]. Это, по мысли французских специалистов по философии языка, сближает Л. Витгенштейна и М. Хайдеггера — столь важного для литературоцентричной французской философии автора. Однако далее концепции языка расходятся: «Витгенштейн определяет задачу философии как критику иллюзий философских проблем лингвистического происхождения» [13, с. 264]. Мы, таким образом, имеем дело с одним языком, который производит и воспроизводит вопросы метафизического порядка.

Важным и сложным концептом Л. Витгенштейна является критика индивидуального языка, по поводу которой существует развернутая С. Крипке [15] дискуссия, подхваченная Ж. Буврессом [16]. И уже у Ж. Бувресса акцент с принципа «следования правилу» переносится на принцип перформативности. Эта тенденция интерпретации аргумента «приватного языка» и знаменитого примера анализа боли, который дает Л. Витгенштейн в «Голубых терадях», в § 350 «Философских исследований», к ним возвращаются и современные американские философы, — развернута французскими исследователями как проблема репрезентации: «его аргументация против возможности индивидуального языка предполагает продемонстрировать фундаментальный ха-

рактик языковой (публичной) игры, который допускает репрезентацию ментальных состояний. Использование выражений, которые кажутся отсылающими к *индивидуальным* внутренним процессам, предполагает обоснование тем фактом, что только индивид может иметь доступ к мгновенному появлению объекта или внутреннего состояния» [13, с. 261–262]. Действительно, Л. Витгенштейн рассуждает о том, что мы используем одни и те же выражения для описания внутренних состояний и того, что мы считаем внешним миром. Но в любом случае, важны механизм и правила описания, которые изначально не являются приватной сферой, а предполагают публичность. Общественные критерии лингвистической практики фактически оказываются частью грамматики, которая используется без осознания роли публичных критериев репрезентации.

Другое важнейшее, с точки зрения французских комментаторов, следствие отказа от индивидуального языка — общий для М. Хайдеггера, Ж. Лакана и Л. Витгенштейна отказ от метаязыка. Конечно, такой отказ в каком-то смысле парадоксален, поскольку всегда есть некое представление о самом языке, поэтому каждый из трех ключевых для французской мысли теоретиков языка выходит из этой ситуации по-своему, у Л. Витгенштейна собственное решение: «философии, согласно автору «Исследований», нечего объяснять или выводить, она может лишь ставить вещи перед нами» [13, с. 266].

Однако вовсе не все комментарии такого рода превращают Л. Витгенштейна в своеобразного психоаналитика языка, как это, например, особенно ярко получилось у П.-Л. Ассуна [17]: в такого рода сравнительных исследованиях на первый план выходит «медицинская» стилистика рассуждений о философии Л. Витгенштейна, фактически начатая в «Трактате...» и развернувшаяся в «Философских исследованиях». И даже если не делать акцент на «болезнях философии», которые Л. Витгенштейн упоминает в § 593 «Философских исследований», сам факт обсуждения Л. Витгенштейном «болезни философии» и философских методах как способе излечения, диагностической и терапевтической задач философии подталкивает нас к выводу о неосознанном заражении логического метода псевдофрейдистской герменевтикой [18]. И здесь следует отметить два аспекта обсуждения, которые отчетливо рефлексировались французскими исследователями: объективно важная проблема психологизма и антипсихологизма, которую следует отделять от философии психологии в целом, — этому посвящена интересная работа Ж.-П. Кометти [19], а также важен общий контекст австрийской философии, на который стали обращать внимание только в последние годы [20]. Этот угол рассмотрения философии Л. Витгенштейна в целом

всегда был сложным моментом интерпретации как биографии философа, его сложных настроений и действий, так и сложных настроек его философии. Однако следует особо отметить, что для французских философов это — ключ к Л. Витгенштейну: для них он не автор двух разных философий, важных для развития методов анализа, а самобытный философ, размышлявший не только о языке, но и о религии, национальностях, цвете, искусстве, психологии...

Казалось бы, разные идеи в «Логико-философском трактате» и «Философских исследованиях» по поводу функций языка — «единственная реальная функция языка — представлять состояния вещей» и «противоположная идея о том, что язык позволяет играть с возможно бесконечным числом функций» [13, с. 260] — приводят к тому, что, по мысли авторов, «Витгенштейн не только разрушил концепт идеального языка, выстроенный логиками, но его анализ порождает сомнение в устойчивости самого концепта языка как автономной и цельной реальности, которую выстраивали лингвисты, по крайней мере начиная со сравнительной грамматики XIX в.» [13, с. 261]. Философия Л. Витгенштейна становится, таким образом, не только важной и для национальной философии поворотной точкой, но и местом сборки различных направлений современной философии.

Такое понимание Л. Витгенштейна подталкивает ко включению витгенштейновских тем в обсуждение концепций и фигур национальной философии, не имеющих непосредственного отношения к проблематике философии языка. Замечательный пример — компаративное исследование Л. Витгенштейна и М. Фуко. Как указали в своем предисловии к публикациям материалов международного коллоквиума молодых ученых в Эколь Нормаль в 2007 г. его организаторы — американец А. Дэвидсон, специально занимавшийся исследованием эпистемологии М. Фуко, и француз Ф. Грос — «не только противопоставить Витгенштейна и Фуко, но и показать то общее, что было у этих выдающихся мыслителей языка и форм жизни» [21, с. 8]. Считается, что М. Фуко вряд ли с самого начала знал тексты Л. Витгенштейна, но на определенном этапе собственной философской эволюции, как выясняется, он счел необходимым обратиться к Витгенштейну. В одном из писем в конце 1970-х годов он пишет, что «остановил всю работу, чтобы ближе посмотреть Витгенштейна и английских аналитиков» [цит. по: 21, с. 72]. Для него это становится частью работы по размежеванию с аналитической традицией, этому посвящены интервью М. Фуко, что может стать предметом отдельного исследования. Однако, как это видят европейские исследователи сегодня, это общая работа, на которую оказались неспособны философы XIX в., — работа методологического характера:

«на наш взгляд, отказ от каузального объяснения в исторической археологии Фуко эхом откликается на модель “морфологического понимания”, которую мы видели у Витгенштейна» [21, с. 67]. Неслучайно, при всем различии тематических полей, М. Фуко именно у Л. Витгенштейна заимствовал выражение и идею «ящика с инструментами»: «речь не идет об освобождении мысли от того, что мыслится втайне, и не о том, чтобы вывести на свет еще не выраженный смысл. Для обоих обозначение понимается скорее как выражение “делать”, вариативной практики, которая никогда не станет переводом необходимой реальности» [21, с. 68]. На этом построены достаточно смелые сопоставления и противопоставления их идей — главной объединительной темой оказывается идея языковых игр как формы жизни и исследовательская задача, главным моментом различения — политические практики и дискурсы власти. Однако даже здесь широкое и целостное восприятие философии Л. Витгенштейна дает основание подытожить следующим образом: «прежде всего мы находим у Витгенштейна и Фуко решительное повышение ценности мужества как этического корня правды» [21, с. 8]. За присущей франкоязычной философии пафосностью здесь все же видится глубокое историко-философское понимание этих двух выдающихся мыслителей XX в.

Для континентальной философии важно, что Л. Витгенштейн, «философ языка», понимает проблемы языка предельно широко, и тогда задачи философии — это задачи переосмысления способа конструирования собственного мира — задачи, которые ставятся и решаются только одним способом — пониманием языка. И это существенно обогащает как собственную интеллектуальную традицию, так и взаимодействие с другими направлениями современной философии, позволяя, в частности, и упредить новые общие темы философского интереса.

Литература

1. Hadot, P. (1959), *Reflections sur les limites du langage a propos du Tractatus logico-philosophicus de Wittgenstein*, *Revue de metaphysique et de morale*, no. 63, pp. 469–484.
2. Hadot, P. (1959), *Wittgenstein philosophe du langage*, pt I, *Critique*, no. 149, pp. 866–881.
3. Hadot, P. (1959), *Wittgenstein philosophe du langage*, pt II, *Critique*, no. 150, pp. 972–983.
4. Cavailles, J. (1935), *L'Ecole de Vienne au Congres de Prague*, *Revue de metaphysique et de morale*, jan., no. 42, pp. 137–149.
5. Sebestik, J., Soulez, A. (2001), *Wittgenstein et la philosophie aujourd'hui*, Paris: L'Harmattan.
6. Hadot, P. (2004), *Wittgenstein et les limites du langage*, Paris: Vrin.
7. Chauvire, C. (1989), *Ludwig Wittgenstein*, Paris: Le Seuil.

8. Ouelbani, M. (2019), *La philosophie de Wittgenstein*, Paris: Vrin.
9. Ouelbani, M. (2002), *Cinquantenaire Wittgenstein*, Tunis: Universite de Tunis.
10. Hacker, P.M.C. (1996), *Wittgenstein place in twentieth-century analytic philosophy*, Oxford: Basil Blackwell.
11. Hacker, P.M.C. (1997), The Rise of Twentieth Century Analytic Philosophy, in: Glock, H.-J. (ed.), *The Rise of Analytic Philosophy*, Oxford: Basil Blackwell.
12. Roy, J.-M. (2013), *Tournant linguistique et tournant analytique dans Le Langage* (sous la dir. G. Kevorkian), Paris: Vrin.
13. Auroux, S., Deschamps J., Kouloughli D. (2004), *La philosophie du langage*, Paris: PUF.
14. Bouveresse J. (1991), *Wittgenstein et la philosophie du langage. Hermeneutique et linguistique*, Combas: L'Éclat.
15. Kripke, S. (1982), *Wittgenstein on Rules and Private Language*, Harvard University Pres.
16. Bouveresse, J. (1987), *Le myth de l'interiorite*, Paris: Minuit.
17. Assoun, P.-L. (1988), *Freud et Wittgenstein*, Paris: PUF.
18. Bouveresse, J. (1991), Philosophie, mythologie et pseudo-science, in: *Wittgenstein lecteur de Freud*, Combas: L'Éclat.
19. Cometti, J.-P. (2004), *Ludwig Wittgenstein et la philosophie de la psychologie*, Paris: P.U.F.
20. Mulligan, K. (2012), *Wittgenstein et la Philosophie austro-allemande*, Paris: Vrin.
21. Foucault (2011), *Wittgenstein: de possibles recontres, sous la direction de Frederic Gros et Arnold Davidson*, Editions Kime.

Статья поступила в редакцию 1 октября 2021 г.;
рекомендована к печати 14 октября 2021 г.

Контактная информация:

Костикова Анна Анатольевна — канд. филос. наук, доц.; akostikova04@ya.ru

To the anniversary year of L. Wittgenstein: The experience of the French national reception

A. A. Kostikova

Lomonosov Moscow State University,
1, Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russian Federation

For citation: Kostikova A. A. To the anniversary year of L. Wittgenstein: The experience of the French national reception. *Philosophy of the History of Philosophy*, 2021, vol. 2, pp. 217–226. <https://doi.org/10.21638/spbu34.2021.114> (In Russian)

The article is devoted to the history of the reception of L. Wittgenstein's philosophical ideas in the French-speaking philosophical tradition. The most important ideas of L. Wittgenstein are considered from the point of view of French-speaking philosophers and historians of philosophy. Reconstructions of different directions are compared. On a number of issues, the European, in particular the French-speaking, history of philosophy offers an interesting interpretation of certain aspects of L. Wittgenstein's philosophy, reactualizes them. For example, Wittgenstein's "linguistic turn"

in philosophy is read as a turn to the discourse traditional for French-speaking philosophy, an appeal to detailed verbalized reasoning, culturally and historically defined communicative practice. And the European philosophers of the second half of the twentieth century, first of all, of course, M. Foucault, are the successors of Wittgenstein's philosophy of language. In our opinion, it is in relation to the philosophical heritage that the specificity of national philosophical thought, the peculiarities of reception and interpretation are manifested. French philosophy, which opens with Descartes' "Discourse of the Method", forms a special attitude to the language of philosophy, the process of reasoning in general and philosophizing in particular, its argumentative grounds and procedures. In general, the presented historical and philosophical picture is characterized by an interest in topics specific to national philosophy — political engagement, a claim to universality, attention to the process of persuasion and the unfolding of thought. At the same time, we clearly see the tendency of the entire analytical tradition, at the origins of which L. Wittgenstein stood, to turn today to these topics that were not considered the main ones for a long time.

Keywords: French philosophy, L. Wittgenstein, modern philosophy, M. Foucault, philosophy of language, philosophy of discourse.

References

1. Hadot, P. (1959), Reflections sur les limites du langage a propos du Tractatus logico-philosophicus de Wittgenstein, *Revue de metaphysique et de morale*, no. 63, pp. 469–484.
2. Hadot, P. (1959), Wittgenstein philosophe du langage, pt I, *Critique*, no. 149, pp. 866–881.
3. Hadot, P. (1959), Wittgenstein philosophe du langage, pt II, *Critique*, no. 150, pp. 972–983.
4. Cavailles, J. (1935), L'Ecole de Vienne au Congrès de Prague, *Revue de metaphysique et de morale*, jan., no. 42, pp. 137–149.
5. Sebestik, J., Soulez, A. (2001), *Wittgenstein et la philosophie aujourd'hui*, Paris: L'Harmattan.
6. Hadot, P. (2004), *Wittgenstein et les limites du langage*, Paris: Vrin.
7. Chauvire, C. (1989), *Ludwig Wittgenstein*, Paris: Le Seuil.
8. Ouelbani, M. (2019), *La philosophie de Wittgenstein*, Paris: Vrin.
9. Ouelbani, M. (2002), *Cinquantenaire Wittgenstein*, Tunis: Universite de Tunis.
10. Hacker, P.M. C. (1996), *Wittgenstein's place in twentieth-century analytic philosophy*, Oxford: Basil Blackwell.
11. Hacker, P.M. C. (199), The Rise of Twentieth Century Analytic Philosophy, in: Glock H.-J. (ed.), *The Rise of Analytic Philosophy*, Oxford: Basil Blackwell.
12. Roy, J.-M. (2013), *Tournant linguistique et tournant analytique dans Le Langage (sous la dir. G. Kevorkian)*, Paris: Vrin.
13. Auroux, S., Deschamps, J., Kouloughli, D. (2004), *La philosophie du langage*, Paris: PUF.
14. Bouveresse, J. (1991), *Wittgenstein et la philosophie du langage. Hermeneutique et linguistique*, Combas: L'Éclat.
15. Kripke, S. (1982), *Wittgenstein on Rules and Private Language*, Harvard University Press.
16. Bouveresse, J. (1987), *Le myth de l'interiorite*, Paris: Minuit.
17. Assoun, P.-L. (1988), *Freud et Wittgenstein*, Paris: PUF.
18. Bouveresse, J. (1991), Philosophie, mythologie et pseudo-science, in: *Wittgenstein lecteur de Freud*, Combas: L'Éclat.

19. Cometti, J.-P. (2004), *Ludwig Wittgenstein et la philosophie de la psychologie*, Paris: P.U.F.
20. Mulligan, K. (2012), *Wittgenstein et la Philosophie austro-allemande*, Paris: Vrin.
21. Foucault (2011), *Wittgenstein: de possibles rencontres sous la direction de Frederic Gros et Arnold Davidson*, Editions Kime.

Received: October 1, 2021

Accepted: October 14, 2021

Author's information:

Anna A. Kostikova — PhD in Philosophy, Associate Professor; akostikova04@ya.ru